

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЯДОВИТЫЙ И ТОКСИЧНЫЙ: ЧТО «ОТРАВЛЯЕТ» НАШУ ЖИЗНЬ?

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ADJECTIVES POISONOUS AND TOXIC: WHAT «POISONS» OUR LIFE?

K. M. Shilikhina

Voronezh State University

Поступила в редакцию 15 января 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается процесс появления и закрепления у русских прилагательных «ядовитый» и «токсичный» новых значений. На материале корпусных данных и фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации рассматриваются основные типы контекстов, в которых реализуются данные значения и анализируются семантические сдвиги, которые способствовали появлению новых значений у этих прилагательных. Анализ лексической сочетаемости прилагательного «ядовитый» показывает, что появление у него нового значения «язвительный, злобный» связано с его метафорическим использованием с существительными, обозначающими эмоции или речевые действия. Активное развитие новых метафорических значений у прилагательного «токсичный» – «описывающий сомнительные финансовые операции или активы», «характеризующий взаимоотношения, приносящие психологический дискомфорт» и метонимическое значение «человек, портящий или разрушающий отношения между людьми» – также становится возможным благодаря использованию этого прилагательного с существительными, называющими финансовые реалии или людей, как правило, близких родственников. Показано влияние английского прилагательного *toxic* на семантику русского прилагательного «токсичный» – новые значения русского прилагательного являются семантическими кальками.

Ключевые слова: метафора, семантический сдвиг, значение, корпус, лексическая сочетаемость.

Abstract: the paper describes the process of development of new meanings of the Russian adjectives “poisonous” and “toxic”. Corpus data and fragments of computer-mediated communication present several types of contexts in which these adjectives are used in meanings different from literal ones. Diachronic analysis demonstrates semantic shifts that led to the emergence of new metaphorical meanings of the two adjectives. The study of collocational properties of the Russian adjective “poisonous” shows that its new meaning “caustic, ill-natured” is manifested through its metaphorical use with nouns denoting emotions or speech. The development of the new metaphorical meanings of the adjective “toxic”, namely, “used to describe a loan or other financial agreement which causes very serious business problems for a bank or financial organization”, “describing personal relationships which create psychological discomfort, are unpleasant or harmful” and a metonymic meaning “a person who damages relationships with people by making them feel uneasy”, becomes possible when the adjective collocates with nouns denoting financial assets, or relationships between people, or people who damage these relationships, usually close relatives. The research also demonstrates the influence of the English adjective “toxic” on its Russian counterpart: the new meanings of the latter are semantic calques.

Key words: metaphor, semantic shift, meaning, language corpus, collocation.

Развитие новых значений слов представляет собой интересную исследовательскую задачу, поскольку вопросы, на которые должен ответить лингвист, касаются как собственно языковых механизмов воз-

никновения и закрепления новых значений, так и внеязыковых факторов, которые способствуют этому процессу.

Полисемии, а также механизмам появления новых значений у слов посвящено достаточно большое количество исследований [1–4]. Исследователи предла-

гают различные модели и методы изучения полисемии, в том числе и такие, которые связывают появление новых значений с деятельностью человеческого сознания и общими когнитивными механизмами и опираются на корпусные данные [3; 5–7]. В таких исследованиях исходным пунктом рассуждения, как правило, становится идея о том, что язык отражает результаты познания реальности. Как указывает Г. И. Кустова, «причина самого существования полисемии в естественном языке – когнитивная: полисемия – это одно из основных средств концептуализации нового опыта» [1, с. 11].

Также постулируется идея о том, что существует ограниченное количество способов создания и фиксации новых значений в языке, т. е. мы можем говорить о регулярной многозначности [2], которая моделируется как цепочка регулярных семантических переходов [4]. Практическое применение такое семантическое моделирование находит прежде всего в лексикографии и системах автоматической обработки естественного языка, где необходимо решать задачу снятия многозначности.

Необходимо также упомянуть и о вновь возросшем внимании лингвистов к узусу: исследователи признают, что изменения в семантической структуре слова происходят не скачкообразно, а в результате *использования* языка [8]. Следовательно, именно узус может стать источником данных о появлении слов в новом окружении, формировании новых значений и их дальнейшем закреплении в системе языка. Такой подход к анализу значений сложился в рамках грамматики конструкций [9] и применяется для комплексного описания семантического и синтаксического «поведения» слов в речи.

В данной статье рассматривается семантическое развитие двух прилагательных: *ядовитый* и *токсичный*. Внимание именно к этим прилагательным объясняется в первую очередь тем, что в последние несколько лет прилагательное *токсичный* активно развивает новые значения: оно используется, с одной стороны, для описания финансовых активов и операций, которые считаются экономически невыгодными, с другой – для характеристики отношений, доставляющих психологический дискомфорт, а также (метонимически) для описания людей, создающих такие отношения. Прилагательное *ядовитый*, синонимичное прилагательному *токсичный* в основном значении, также употребляется метафорически, например, для описания речевых действий. Целью данного исследования является описание семантических переходов, которые привели к появлению многозначности у данных лексем.

Исходная гипотеза исследования состоит в том, что появление прилагательных *ядовитый* и *токсич-*

ный в новом лексическом окружении способствует развитию у них новых значений, основанных на метафорических или метонимических переносах. Однако, несмотря на то, что в прямом значении данные прилагательные являются синонимами, развитие их многозначности идет разными путями.

Исследование проведено с использованием данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [10], а также Генерального интернет-корпуса русского языка (далее – ГИКРЯ) [11]. Поскольку время появления прилагательных *ядовитый* и *токсичный* в русском языке разное, хронологический анализ их функционирования возможен с момента их появления в текстах, представленных в корпусе.

Контексты, в которых использовались данные прилагательные, были распределены по нескольким хронологическим срезам. Для прилагательного *ядовитый* таких периодов 7: 1700–1749 гг., 1750–1799 гг., 1800–1849 гг., 1850–1899 гг., 1900–1949 гг., 1950–1985 гг., 1986 г. – настоящее время. Для прилагательного *токсичный* периодов меньше, поскольку оно появилось в русском языке гораздо позже: 1900–1949 гг., 1950–1985 гг., 1986 г. – настоящее время. Выделение хронологических срезов с 1950 по 1985 г. и с 1986 г. до настоящего времени объясняется тем, что середина 1980-х – это время значительных исторических изменений в жизни носителей русского языка, которые отразились и на лексическом составе языка, и на узусе.

Далее исследовалась лексическая сочетаемость прилагательных *ядовитый* и *токсичный* с существительными, а также анализировалась частота их встречаемости в определенном лексическом окружении. Известно, что именно семантика существительного определяет, в каком именно значении употребляется прилагательное [3; 12]. В тех случаях, когда НКРЯ не давал надежной информации (например, о современном употреблении прилагательного *токсичный*), привлекались данные Генерального интернет-корпуса русского языка, а также фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Общее количество проанализированных контекстов составило 3000 для прилагательного *ядовитый* и 3000 – для прилагательного *токсичный*.

Анализ функционирования прилагательных в различных хронологических срезах позволяет увидеть, в какой момент они начинают употребляться в новом лексическом окружении и в результате происходит семантический сдвиг. Далее будут представлены результаты анализа контекстов употребления интересующих нас прилагательных.

Семантическое развитие прилагательного *ядовитый*

Прилагательное *ядовитый* имеет достаточно долгую историю употребления в русском языке. С начала XVIII в. до наших дней относительная частота данного прилагательного менялась незначительно, не превышая 30 вхождений на 1 млн словоупотреблений. Два пика употреблений (по данным основного подкорпуса НКРЯ) приходится на 1750 и 1967 гг. «Всплески» относительной частоты употребления прилагательного *ядовитый* (52,7 вхождения в середине XVIII в. и 40,3 вхождения на 1 млн словоупотреблений в 1960–1970-е гг.) можно объяснить составом корпуса: первый пик связан с наличием в корпусе работ М. В. Ломоносова, который употреблял данное прилагательное терминологически, второй пик – с включенным в корпус большим количеством текстов, опубликованных в журнале «Химия и жизнь» в 1960–1970-х гг.

В историческом подкорпусе НКРЯ примеров употребления слова *ядовитый* не содержится, а наиболее ранний контекст в основном подкорпусе датируется 1726 г.:

Отчаяватися бы пришло роду человеческому, аще бы сие лютое зло не усмирено было, аще бы сия коса на камень, Христа Господа, не попала: «Камень же бе Христос»; аще бы ядовитое ея жало на всемирнаго врага не улучило: «Где ти, смерти, жало? [Гавриил (Бужинский). Слово в день годищнаго поминовения... (1726)]

В 1-й пол. XVIII в. *ядовитый* употребляется исключительно для обозначения отравляющих веществ и предметов, содержащих такие вещества (например, жало), однако уже во второй половине XVIII в. появляются метафорические употребления этого прилагательного:

Такая грудь есть покрывало, под коим кроется ядовитой совести червь, неусыпное души томление; такое сердце есть непристойных страстей убежище, такие члены на делание всякаго зла употреблены [архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение седьмое (1757)].

Великие дела в поле и в республике сию любовь вселяют в сердце, пронзая нас внутренним почтением к тем мужам, кои удовольствие умереть за отечество познали, кои не отрицались служить ему для того, что иногда в своих ожиданиях ошибались, кои по ревности своей о чести, добродетели и правах отечества во всю жизнь свою поставляли себя выше ядовитого жала зависти и злобы ненавистующих сограждан [Д. И. Фонвизин. Рассуждения о национальном любочестии (1785)].

Употребление прилагательного *ядовитый* в различных выражениях, приведенных выше, можно считать первым шагом к появлению нового значения:

на этом этапе семантического развития *ядовитый* характеризует существительное, употребленное метафорически (*ядовитый червь, ядовитое жало*). В таких контекстах прилагательное не меняет свое непосредственное лексическое окружение, однако метафорическое употребление всего словосочетания создает возможность использования прилагательного в переносном значении в сочетании с существительными, обозначающими проявление эмоций или манеру речи. Именно это и происходит в конце XVIII в. в произведениях И. А. Крылова:

Автор удовольствовал свой сатирический дух и при всем том в мыслях общества остался скромным писателем; хотя стоит только заглянуть в корзину у первого разносчика, чтоб видеть, как ядовитая его сатира [И. А. Крылов. Ночи (1792)].

Вот сильные причины не основываться на скоропостижных приговорах, которыми учреждает или случает, или невежество, или льстивое дружество, или ядовитая ненависть [И. А. Крылов. Примечание на комедию «Смех и горе» (1793)].

Словом, ничто не может укрыться от его ядовитого языка, который, если не больше, то по крайней мере столько же может быть опасен, сколько и зубы самой злейшей обезьяны [И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)].

Можно предположить, что индивидуальная авторская манера употребления – один из факторов, способствующих закреплению нового значения в узусе.

Из всех контекстов, предоставляемых НКРЯ для второй половины XVIII в., только 12 % являются употреблениями в переносном значении.

В XIX в. значительно возрастает частота употребления прилагательного *ядовитый* в переносном значении: около 40 % контекстов, относящихся к этому периоду, иллюстрируют его использование в сочетании с такими существительными, как *улыбка, слово, зависть*:

Но злословие не щадит никого: оно подкрадывается, тайное и ядовитое, к репутациям самым чистым и непорочным и старается впустить в них свое жало и облить их своим ядом [И. И. Панаев. Прекрасный человек (1840)].

Но там встретила меня ядовитая зависть Никифора, вечно угрюмого, вечно мрачного, всегдашнего завистника даже самому себе, скупого до того, что он готов, подобно Плавтову Скупому, кричать: грабят! – видя, что дым идет из трубы его дома, готов скоблить золото с пилуль, предписанных ему медиком [Н. А. Полевой. Иоанн Цимисхий (1841)].

Заметим, что в XIX в. толковые словари уже фиксируют переносные значения прилагательного *ядо-*

витый, таким образом, узуальный метафорический перенос закрепляется в языковой системе:

Ядовитый (иноск.) – о злобном человеке, ядовитый характер.

Ядовитый язык – злобно-насмешливый [13].

В XX в. метафорическое употребление прилагательного *ядовитый* реализуется преимущественно в контекстах, описывающих манеру речи или тексты:

*Что касается дома «Эльпит-рабкоммуна», то о нем был напечатан в газете «Накануне» весьма острый, **ядовитый очерк**, написанный неким писателем... [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].*

*Рев революционной бури, законы материалистической диалектики, логика «Капитала» смешались с уханьем гармошек, с «Яблочком» и «Цыпленком жареным», с гудением самогонных аппаратов, с призывом лекторов и агитаторов, обращенным к матросам и рабфаковцам, не поддаваться **ядовитой ереси** Каутского, Кунова, Гильфердинга [Василий Гроссман. Всё течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989].*

*Убедившись, что я больше от него не отстаю, Костя перестал осыпать меня всякими **ядовитыми словечками**, и, как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получалось [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)].*

*Но то, что Анна может быть разрушительно остроумной – несомненно. Иной раз на нее нисходят как бы припадки **ядовитого сарказма**, и тогда держись, окружающие! [Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985)].*

Эта тенденция употребления с существительными, обозначающими речь или тексты, сохраняется и в конце XX – начале XXI в. Таким образом, прилагательное *ядовитый* в современном русском языке характеризует либо свойство вещества или объекта, содержащего данное вещество, либо, употребляясь метафорически, описывает манеру речи или эмоции.

Семантическое развитие прилагательного **токсичный**

Прилагательное *токсичный* появилось в русском языке в 1930-е гг. Современные толковые словари фиксируют только терминологические значения прилагательного *токсичный*. Так, в Современном толковом словаре под ред. Т. Ф. Ефремовой выделено два значения:

1. соотн. с сущ. *токсины*, связанный с ним.
2. способный вызвать отравление; *ядовитый* [14].

Интересно, что в одном из наиболее ранних контекстов дается пояснение значения прилагательного *токсичный*:

*Он убедился, что моча не **токсична** (не ядовита), как думали раньше. [В. И. Мухина. Воспоминания*

Веры Мухиной (1939–1940) // «Искусство», 1957].

По данным основного подкорпуса НКРЯ в непосредственном окружении прилагательного *токсичный* чаще всего появляются существительные *вещество, отходы, газы, соединения*.

*Обычно в выхлопе новой установки **токсичных веществ** в пять-десять раз меньше. [Л. Черномордик. Азотнокислотный цех без «лисьего хвоста» // «Химия и жизнь», 1969].*

*Скорость перехода **токсичных соединений** из почв в растения, темпы их накопления в почве, характер и интенсивность отклика самих почв на неблагоприятные воздействия в значительной степени зависят от свойств почв на участке. [Наталья Ковалева. О необходимости смотреть под ноги, или Чем опасна почва (2002) // «Сад своими руками», 2002.12.15].*

Хронологически первым шагом на пути к развитию нового значения можно считать употребление прилагательного *токсичный* в качестве характеристики финансовых активов, кредитов, ценных бумаг. Следующие контексты содержатся в основном подкорпусе НКРЯ:

*Авторы доклада сами удивляются: «Это весьма необычно, поскольку Российская Федерация имела лишь небольшое число **«токсичных» активов** в разгар кризиса, большое положительное сальдо баланса по текущим платежам и весьма крупные международные валютные резервы, незначительный государственный долг и большой профицит бюджета». [Ирина Прусс. Кризис бродит по России // «Знание – сила», 2010].*

*Думаю, мы точно оцениваем объем **«токсичных» бумаг в портфелях**, в связи с чем создаем «плохой» банк, чтобы справиться с этими бумагами. [И. Пылаев, Л. Реттиг. «Предприятия Германии подошли к кризису в хорошей форме». URL: <http://www.rbcdaily.ru/2009/06/02/world/417164.shtml>, 2009].*

Следующие примеры содержит ГИКРЯ:

*Под «незаконными гарантиями» адвокаты подразумевают, в частности, оговоренное в соглашении создание специальной компании, которая сконцентрировала бы так называемые **«токсичные активы»** банка [<https://ria.ru/20090512/170868168.html>].*

Такое употребление можно объяснить влиянием английского языка, в котором прилагательное *toxic* употребляется в конструкциях *toxic asset* и *toxic debt*. Характерно, что в таких контекстах появление нового, по сути, терминологического значения часто маркируется при помощи кавычек, что является сигналом «своего смысла», (о семантике кавычек см. [15]):

*Понятие *Vad bank* («плохой» банк) подразумевает специальный финансовый институт, созданный для того, чтобы скупать «плохие» активы других*

банков, именуемые в мировой практике «**токсичными активами**» (*toxic assets*) [<https://ria.ru/20090401/166718927.html>].

Основной подкорпус НКРЯ практически не фиксирует употреблений прилагательного *токсичный* в новом значении, однако в газетном подкорпусе можно найти такие примеры:

Один из обсуждаемых вариантов – выделить «**токсичные**» (то есть безнадежные) **кредиты** либо в отдельные финансовые подразделения (по такому сценарию, в частности, может пойти раздел Citigroup на Citibank и Citiholding), либо вообще передать их государству для реализации в будущем, когда выправится экономическая ситуация. [Г. Бовт. Сначала – мысль, потом – дело // Известия, 2009.01.29].

Серьезной проблемой, мешающей восстановлению банковского сектора, является наличие на балансах институтов 176 млрд евро **токсичных активов**, из которых лишь треть можно считать обеспеченными. [Г. Глазкова. Власти Испании подготовили очередную реформу банковского сектора // РБК Дейли, 2012.02.03].

В газетном подкорпусе также содержится два контекста, в которых прилагательное *токсичный* используется для характеристики социальной среды. Оба употребления зафиксированы в одном тексте:

В элите, во власти была **токсичная среда** [А. Гамов. Рамазан Абдулатипов, и.о. Президента Дагестана: «Всех моих предшественников сожрали кланы» // Комсомольская правда, 2013.04.30].

В элите, во власти, в правоохранительных органах, вообще вокруг всего этого сформирована за эти годы достаточно **токсичная среда**, которая воспроизводит и коррупцию, и фанатизм, и бандитизм, и многое другое. [А. Гамов. Рамазан Абдулатипов, и.о. Президента Дагестана: «Всех моих предшественников сожрали кланы» // Комсомольская правда, 2013.04.30].

Такое употребление прилагательного *токсичный* максимально близко к его использованию для характеристики человеческих взаимоотношений или отдельных людей. Как правило, *токсичными* называют отношения с близкими людьми: родителями, супругами, родственниками или друзьями. Именно такие употребления стали характерными в последнее десятилетие:

Я хотела показать ту крайне агрессивную среду, в которой воспитываются нынешние женщины. Это прямо-таки **токсичное окружение** – и мы об этом не думаем, мы в него погружены, мы в нем растим детей! [<http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ol10.html>].

В нашей культуре, в которой «родители – это святое», разрыв связи с **токсичной семьей** или отдаление от нее на безопасную дистанцию – выбор

непопулярный, и человек, совершивший его, рискует слышать упреки в свою сторону до конца жизни, зато выбор поддерживать связь несмотря ни на что, потому что «она все-таки мать тебе» и «ну он же отец как-никак», пользуется большей популярностью [<https://vokina.livejournal.com/428536.html>].

Однако у некоторых из нас родители порой вызывают эмоциональный стресс, душевную боль и ненужную драму, а не счастье и комфорт. Это явление называется «**токсичные родители**» [<https://flytothesky.ru/10-priznakov-toksichnyx-roditelej/>].

Психотерапевт Эми Морин называет 9 признаков, по которым легко понять, что **токсичный человек** взял над вами верх [<http://www.psychologies.ru/self-knowledge/behavior/toksichnyiy-chelovek-ne-porali-s-nim-rasstatsya/>].

Токсичная родня: как женщины подрывают здоровье своих близких [<https://mir24.tv/articles/16290379/toksichnaya-rodnya-kak-zhenshchiny-podruyayut-zdorove-svoih-blizkih/>].

Приведенные примеры иллюстрируют такое изменение значения прилагательного *токсичный*, которое в [3] называется *ребрендингом*: «...перенос из одной концептуальной области в другую происходит не просто на основе сравнения, как при метафоре, это сравнение здесь осложняется действием механизма имплицатуры» [3, с. 424]. В основе концептуального переноса в случае с прилагательным *токсичный* лежит вывод о том, что *токсичный человек* создает такие отношения, которые оказывают воздействие, сопоставимое с воздействием ядовитого химического вещества.

Помимо конкретных людей, *токсичными* могут быть длительные отношения, причем такие, которые по умолчанию должны приносить людям счастье или удовлетворение:

Ну и в конце концов «Ирония судьбы» – это не американская романтическая комедия с плоскими персонажами, когда есть главгерой в токсичных отношениях с истеричкой, и когда ты с первого кадра понимаешь, чем дело продолжится и закончится – главгерой найдет такую же прекраснуюдушную девушку, намного красивее прежней, но тоже состоящую в **токсичных отношениях**, отрицательные герои будут посрамлены, а новая пара красиво уйдет в закат на радость всем [https://pikabu.ru/story/ironiya_sudbyi_glazami_amerikantsa_6413186].

Что такое **токсичные отношения**? Как массовая культура навязывает нам образ отношений, построенных по схеме «палач-жертва», где любовь становится синонимом страдания, а семейная драма представляется как норма? Как понять, что вы находитесь в психологической ловушке? Почему в **токсичных отношениях** невозможно проявлять себя как личность? Можно ли изменить отравляю-

щего вам жизнь человека и как защитить себя от нездоровых связей? [<https://monocler.ru/chto-takoe-toksichnyie-otnosheniya/>].

Токсичная любовь встречается в отношениях гораздо чаще, чем мы думаем. Это то, что ведет нас вниз по дороге горечи и к неизбежному разрыву [<https://steptohealth.ru/toksichnaia-liubov-chto-eto-takoe/>].

Брак без денег – **токсичный брак** [https://lady.mail.ru/forum/topic/brak_bez_deneg_toksichnyj_brak/].

Токсичность друзей проявляется в разных формах и размерах; самое сложное в **токсичной дружбе** – как она застаёт вас врасплох [<https://ru.wikihow.com/распознать-токсичного-друга/>].

По данным Google Trends, активное использование прилагательного **токсичный** в поисковых запросах начинается с конца 2007 г. Запрос **токсичный человек** фиксируется с октября 2010 г., словосочетание **токсичные родители** стало появляться в запросах с декабря 2012 г., **токсичные отношения** – с января 2013 г., причем в 2017–2018 гг. наблюдается резкий рост частоты этого запроса.

Дальнейшее развитие семантики прилагательного **токсичный** связано с его метафорическим употреблением с существительными, которые называют не только отношения, но и некоторые действия и результаты этих действий, а также тех, кто эти действия осуществляет. Так, в интернет-коммуникации используются словосочетания **токсичный текст**, **токсичная игра**, **токсичная благотворительность**, **токсичный менеджмент**, **токсичное поведение**, **токсичная маскулинность**. Также расширяется круг людей, которые потенциально способны создавать отношения, вызывающие психологический дискомфорт: **токсичный начальник**, **токсичный сотрудник**, **токсичный геймер**. В сфере онлайн-игр **токсичными** могут быть не только отдельные игроки, но и целые сообщества игроков (**токсичные комьюнити**), провоцирующие конфликты:

В современной психологии **токсичными** называют людей, наносящих окружающим вред эмоциональными манипуляциями, грубостью, нарушением личных границ и еще десятками способов осознанного и не очень давления на психику. Соответственно, в онлайн-играх «**токсичными**» прозвали раздражающих **тиммейтов** – тех самых, кого у нас принято называть троллями [https://www.igromania.ru/article/29401/Igrovaya_toksichnost_i_problema_trolley_Razbiraem_sya_vmeste_s_uchenymi.html].

И вообще, Blizzard не намерена создавать отдельные зоны, где в Overwatch могли бы играть только **токсичные пользователи** [<https://stopgame.ru/newsdata/32708/>].

Есть также и многочисленные примеры метонимических переносов (человек – эмоции, которые он испытывает в результате общения):

Наверняка и в вашем окружении есть люди, которые виртуозно умеют портить вам настроение. Как же защититься от **токсичных эмоций**? [<https://www.psyh.ru/kak-zashhititsya-ot-toksichnyh-emotsij/>].

Токсический стыд никак не прекращается, он на самом деле – черная дыра, затягивающая и уничтожающая любую поддержку, любое ощущение собственной ценности [<https://psychologyjournal.ru/public/toksichnyy-styd/>].

Необходимо отметить, что все приведенные выше употребления являются семантическими кальками, возникшими под влиянием английского прилагательного **toxic**. В английском языке для данного прилагательного, помимо основного, словари уже фиксируют следующие значения:

- used to describe a loan or other financial agreement which causes very serious business problems for a bank or financial organization;
- very bad, unpleasant or harmful [16].

Под влиянием английского **toxic** русское прилагательное **токсичный** начинает все более активно употребляться в новом лексическом окружении, утрачивая исходную семантику. И в случае с описанием финансовых активов, и в описании отношений и людей, создающих такие отношения, прилагательное **токсичный** имплицитно и закрепляет новые значения на основе имплицитур.

Необходимо отметить, что развитие многозначности у прилагательных **ядовитый** и **токсичный** идет разными путями, поскольку они сочетаются с существительными, относящимися к различным таксономическим классам: в случае с прилагательным **ядовитый** новые значения относятся преимущественно к сфере коммуникации, **токсичный** используется для метафорического описания экономических явлений и межличностных отношений.

Многозначность прилагательного **токсичный** является результатом семантической кальки английского прилагательного **toxic**, причем, по-видимому, калькирование осуществлялось дважды, и для сочетания с существительными, обозначающими финансовые активы и операции, и для употребления с существительными, обозначающими людей и межличностные отношения.

Прилагательное **ядовитый**, имея более долгую историю существования в русском языке, постепенно приобрело новые значения, употребляясь поначалу в метафорических номинациях, образное значение которых создавалось благодаря существительным (ядовитое жало зависти), а затем уже самостоятельно, преимущественно в сочетании с существительными, называющими речевые действия или эмоции. Такое семантическое развитие может быть отнесено к семантическим переходам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

2. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

3. Рахилина Е. В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных : метафора, метонимия и их взаимодействие / Е. В. Рахилина, О. С. Карпова, Т. И. Резникова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог». – М. : РГГУ, 2009. – Вып. 8 (15). – С. 420–425.

4. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе / Анна А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 640 с.

5. Карпова О. С. База данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка / О. С. Карпова [и др.] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог». – М. : РГГУ, 2010. – Вып. 9 (16). – С. 163–168.

6. Карпова О. С. Оценочные значения ребрендингового типа в признаковой лексике (по материалам Базы данных семантических переходов в качественных прилагательных и наречиях) / О. С. Карпова [и др.] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог». – М. : РГГУ, 2011. – Вып. 10 (17). – С. 292–304.

7. Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О. Н. Ляшевская. – М. : Издательский Дом ЯСК: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 520 с.

8. Копотев М. В. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стеклова. – М. : Языки славянской культуры, 2016. – 168 с.

9. Goldberg A. The inherent semantics of argument structure : The case of the English ditransitive construction / A. Goldberg // *Cognitive Linguistics*. – 1992. – No. 3 (1). – P. 37–74.

10. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru

11. Генеральный интернет-корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.webcorpora.ru>

12. Парти Б. Динамический характер значения прилагательных / Б. Парти // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог». – М. : РГГУ, 2009. – Вып. 8 (15). – С. 593–597.

13. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old/

14. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>

15. Зализняк А. А. Семантика кавычек / А. А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям, 30 мая – 3 июня 2007 г. – Бекасово, 2007. – С. 188–193.

16. Macmillan Dictionary of English. – Mode of access: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/toxic>

REFERENCES

1. Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenij i mekhanizmyazykovogorasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of language expansion] / Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 472 p.

2. Paducheva E. V. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models of the semantics of words]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 608 p.

3. Rakhilina E. V., Karpova O. S., Reznikova T. I. *Modeli semanticheskoy derivatsii mnogoznachnykh kachestvennykh prilagatelnykh: metafora, metonimiya i ikh vzaimodejstvuye* [Models of semantic derivation of polysemic qualitative adjectives: metaphor, metonymy and their interaction] // *Kompjuter'naya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialogue"*. Issue 8 (15). Moscow: RGGU, 2009. P. 420–425.

4. Zaliznyak Anna A. *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics from a typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2013. 640 p.

5. Karpova O. S., Reznikova T. I., Arkhangel'skii T. A., Kuseva M. V., Rakhilina E. V., Ryzhova D. A., Tagabileva M. G. *Baza dannykh po mnogoznachnym kachestvennym prilagatelnykh i narechiyam russkogo yazyka* [Database of polysemic Russian qualitative adjectives and adverbs] // *Kompjuter'naya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialogue"*. Issue 9 (16). Moscow: RGGU, 2010. P. 163–168.

6. Karpova O. S., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. *Otsenochnye znacheniya rebrendingovogo tipa v priznakovoj leksike (po materialam Bazy dannykh semanticheskikh perekhodov v kachestvennykh prilagatelnykh i narechiyakh)* [Meanings of estimation in semantic shifts of rebranding type in adjectives and adverbs (on the material of the database of semantic shifts in Russian adjectives and adverbs)] // *Kompjuter'naya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialogue"*. Issue 10 (17). Moscow: RGGU, 2011. P. 292–304.

7. Lyashevskaya O. N. *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* [Corpus instruments in grammatical studies of the Russian language]. Moscow: Izdatelskij dom YSK: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2016. 520 p.

8. Kopotev M. V., Steksova T. I. *Iskluchenije kak pravilo. Perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule. Transitional language units in grammar and vo-

- cabulary]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2016. 168 p.
9. Goldberg A. The inherent semantics of argument structure: The case of the English ditransitive construction // *Cognitive Linguistics*. 1992. No. 3(1). P. 37–74
10. The Russian National Corpus. – Available at: www.ruscorpora.ru.
11. The General Internet-Corpus of Russian. – Available at: <http://www.webcorpora.ru/>.
12. Partee B. The dynamics of adjective meaning // *Kompjuternaya lingvistika i intelektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialogue" 2007*. Issue 8 (15). Moscow: RGGU, 2009. P. 593–597.
13. Mikhelson M. I. *Bolshoj tolkovo-frazeologicheskij slovar* [Large explanatory and phraseological dictionary]. – Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old/
14. *Sovremennij tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Modern Russian language dictionary]. Ed. by T. F. Efremova. – Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
15. Zaliznyak Anna A. Semantika kavychek [Semantics of quotation marks] // *Kompjuternaya lingvistika i intelektualnaye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoj konferentsii "Dialogue'2007" po kompjuternoj lingvistike i ee prilozheniyam*. Bekasovo, May 30th – June 3rd, 2007. P. 188–193.
16. Macmillan Dictionary of English. – Available at: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/toxic>

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., доктор филологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru

Voronezh State University

Shilikhina K. M., Doctor of Philology, Head of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: shilikhina@rgph.vsu.ru